

Л.С. ВАСИЛЬЕВ

Человек и власть в истории (Авторитаризм или свобода?)

Традиционный Восток с глубокой древности являл собой (а во многом являет и ныне) структуру, которая в рамках разрабатываемой мною концепции всемирной истории получила наименование "власть-собственность". Сущность ее сводится к тому хорошо известному факту, что на Востоке рано сформировавшаяся государственная власть постепенно подчиняла себе возникавшую наместо позже частную собственность. И не просто подчиняла, но и подавляла, лишала любых гарантий, привилегий, правовой защиты и тем более неприкосновенности. Иногда эта собственность экспроприировалась.

И все это происходило потому, что в нарождавшемся частном собственнике аппарат власти резонно видел конкурента, отнимающего у казны некоторую часть избыточного продукта общества, издревле принадлежавшего целиком именно ей и распределявшегося ею при посредстве института редистрибуции по своему разумению.

Другая структура, берущая начало от античного полиса, была основана на принципе правовой защиты частной собственности и общественного признания ее высшей ценностью, которая могла принадлежать каждому, и прежде всего гражданину, то есть полноправному члену полиса. С момента возникновения и вплоть до периода новоевропейской истории, когда в обновленной модификации буржуазного общества эта структура стала господствующей на Западе и проявила все свои гигантские потенции, она существовала рядом с восточной. Более того, порой веками эта структура переплеталась с "властью-собственностью", но основным ее отличием было то, что власть в античной структуре не только не подавляла частную собственность, но напротив, старательно заботилась о том, чтобы все частные собственники, вплоть до вчерашних рабов, ставших вольноотпущенниками, имели необходимые правовые гарантии и привилегии. Античное общество строго стояло на страже незыблемого принципа, сводившегося к тому, чтобы все население процветало и тем активно способствовало развитию коллектива (полиса, республики, империи) в целом. Поэтому и власть в рамках этой структуры имела принципиально иной облик. Вначале она, как правило, была выборной, сменяемой, неоплачиваемой и отчитывавшейся перед гражданами полиса. Позже, в условиях императорского Рима, многое изменилось. Но даже в имперском варианте античная администрация никогда не посягала на права, гарантии и привилегии частных собственников.

Неудивительно, что античная структура развивалась необычайно быстрыми темпами. В решающей схватке с крупнейшей древневосточной империей Ахеменидов в IV в. до н.э. древнегреческие полисы в союзе с соседней и много у них заимствовавшей Македонией легко одолели эту империю. И хотя немалая заслуга тут принадлежала полководческому гению Александра Македонского, совершенно очевидно, что побе-

дителем следует считать не только и быть может даже не столько именно его, сколько ее, то есть античную рыночно-частнособственническую структуру как таковую. Почему?

Восточные доходы и античный капитал

Представление не просто о существовании, но и о сосуществовании с древности двух принципиально разных структур, очень важно для понимания еще одной проблемы, быть может, наиболее важной из всего, о чем только что шла речь. Имеется в виду принципиальная разница между тем, как распоряжались своим личным достоянием те, кто его имели в достатке, а то и в изобилии. Собственно, именно эта разница в первую очередь определяла непримиримость обеих столь различных структур, вынужденных реально сосуществовать в рамках единого общества и государства.

Нечто в этом роде появилось задолго до того, как возникли первые античные протобуржуа. В самых ранних государствах, знакомых с урбанистической цивилизацией, когда частная собственность как таковая еще не появилась, весь доход коллектива – его избыточный продукт – концентрировался в руках правителя и созданного им аппарата власти. Они и распоряжались этим доходом по своему усмотрению, что и составляло суть "власти-собственности" и редиистрибуции, централизованной и децентрализованной, то есть весьма редкой удельно-феодальной, которая была, в частности, в Китае.

Доход использовался на разные цели: возводились новые строения, строились дороги и создавалась вся иная необходимая для страны инфраструктура. Отчасти средства шли на войны, иногда приносящие прибыли, а иногда чреватые лишь убытками. Но при всех этих и прочих расходах, необходимых и даже выгодных для коллектива в целом, значительная часть совокупного дохода коллектива шла на нужды самого аппарата власти, и прежде всего его верхушки, состоявшей, как правило, из знатной аристократии. В эпоху, о которой идет речь, еще не было ни частной собственности, ни, естественно, богатых и не причастных к власти частных собственников с их капиталами.

После процесса приватизации, который начался и стал быстрыми темпами ускоряться на определенном этапе развития всех ранних государств классического Востока, ситуация изменилась. Аппарат власти и правящая элита с нескрываемой завистью и явным недоброжелательством наблюдали за тем, как у простолюдинов в результате развития товарно-денежных отношений, рыночных связей и активной торговли появлялся свой немалый доход. Этот доход, в основе которого лежало увеличенное производство тех самых изделий, которые прежде потреблялись самими производителями либо направлялись в казну в качестве избыточного продукта, уже не шел ни на строительство общественных сооружений, ни на военные расходы, ни тем более на улучшение качества жизни правящей элиты. И вообще он вначале как бы не был замечен: богатые частные собственники (особенно на первых порах) интуитивно старались не демонстрировать своего богатства, да оно и само не лезло в глаза, ибо с самого начала было иным. Это был не доход, которым можно было похвастать и отличиться от обычных, тем более простых бедных людей, а некий протокапитал, который сразу же по его приобретению вкладывался в дело, дабы увеличивать объем товарного производства и рыночного оборота и приносить проценты, то есть новый капитал.

С этого момента и появилось принципиальное различие между "властью-собственностью" с ее доходом и редиистрибуцией этого дохода причастными к власти, включая и феодалов, с одной стороны, и частными собственниками с их капиталом и деловой хваткой – с другой. Казалось бы, в истории наступил решающий момент, когда структуре "власти-собственности" будет противопоставлено нечто иное, связанное с частной собственностью отдельных удачливых богатеев, преимущественно тех, кто никоим образом не был причастен к власти. Но этого ни в одном из древневосточных государств не случилось. Почему же?

Причина в том, что во всех тех государственных образованиях, где шел процесс приватизации, аппарат власти уже набрал такую силу, что ему ничего не стоило "придавать" богатым частным собственникам. Все они были удивительно легко и как бы вполне логично и естественно поставлены в условия, при которых ни о каком капитале в подлинном смысле этого слова нельзя было и подумать. Налоги, произвол чиновников, вымогательства и угрозы со стороны власти имущих всюду делали свое дело. Богатые и не причастные к власти частные собственники в этих условиях не могли стать гражданами античного типа. Они оставались – как прежде – бесправными подданными, которые не имели реальной возможности защититься от корыстолюбивых чиновников, представляющих власть. Им приходилось терпеть все унижения и потери ради того, чтобы просто продолжать существовать и хоть как-то вести свои дела. И даже если в таких невыгодных для собственников обстоятельствах кое-кому иногда все же удавалось заметно разбогатеть (как то было, например, в позднечжоуском Китае и в начале империи Цинь) это не гарантировало ему ничего. В любую минуту практически каждый из таких богачей, становившихся бельмом в глазу у власти, мог лишиться всего, даже жизни.

Так было на Востоке всегда. Со временем богатые собственники, которых становилось все больше и которые правдами и неправдами, но все же научились сохранять свои капиталы от вездесущих чиновных лихоимцев (а к ним стоит прибавить и возмущенный народ в голодные годы и в дни мятежных выступлений), привыкли к своему зависимому положению. Но это стало причиной того, что богатства частных собственников на Востоке так и не стали капиталами в античном и тем более буржуазном смысле слова. Эти "капиталы" оказались оскопленными, а их владельцы – лишенными необходимой предпринимателям свободы действий. Они не имели правовой защиты и были резко ограничены во всем, что касалось энергии и инициативы, столь важных для эффективного использования капитала. Поэтому *при обилии богатства и развитой торговле на Востоке не возникли и в принципе просто не могли возникнуть ни протокапитализм античного типа, ни тем более западноевропейский капитализм*¹.

Что же касается протокапитализма античного типа, то он, не обретая облик дохода причастных к власти, был принципиально иным. Будучи патронизируемыми избранной (в полисах Греции) или даже имперской (в Риме) администрацией, богатства частных собственников здесь сразу и легко включались в энергичный товарооборот. Рыночно-частнособственническая структура способствовала получению законной прибыли и прибавлению ее весомой части к капиталу. Это давало толчок быстрому экономическому развитию античного общества. В результате античный капитал, пусть еще не равный западноевропейскому буржуазному (и даже предбуржуазному), получил резкое и весомое превосходство над традиционными доходами аристократов, которые, будь то древнегреческая знать или римские сенаторы, быстро усвоив урок, тоже стали обращать свои доходы в капитал. А на прибыль, приносимую – особенно в греческих полисах после процесса синоикизма – капиталом собственников из числа граждан (и не только граждан), возводились многие общезначимые величественные строения, создавалась вся инфраструктура, а также расцветала культура как в Элладе, так и в Риме.

Протокапиталистические потенции античного мира оказались чем-то принципиально новым для древневосточных государств, с которыми вплотную столкнулись эл-

¹ Следует оговориться, что Восток был знаком с небольшими протогосударствами или даже достаточно развитыми государствами, существовавшими за счет транзитной торговли. Понятно, что в них – будь то древнеассирийский Ашшур или Финикия с ее колониями, сирийская Пальмира или арабская Мекка – общество выглядело несколько иначе, а давление власти на богатых частных собственников из числа удачливых торговцев едва ли вообще существовало. Но и эти общества, как и прочие на Востоке, не были знакомы ни с правами, ни со свободами, ни тем более с демократией античности, и потому капитал торговцев там тоже не имел перспективы превратиться в нечто вроде капитализма западного типа.

лины после великой победы Александра над империей Ахеменидов. Александр, в соответствии с предоставлявшимися ему новыми неисчерпаемыми возможностями, за короткое время между победой и скоростижной смертью сумел изменить завоеванный греками цивилизованный древневосточный мир. Изменение сводилось к тому, что структура "власти-собственности" в пределах сельской провинции, хоры, продолжала на протяжении почти тысячи лет довольно бесконфликтно сосуществовать с резко структурно трансформировавшимися городскими центрами. Эти центры, структурно близкие к античным поселениям, Александр и его преемники-диადохи превратили в подобие классических укрупненных полисов с тем уважительным отношением к частным собственникам и их капиталам, о котором уже упоминалось.

Новая для Востока рыночно-частнособственническая структура, активно использовавшая капитал частных собственников с приносящими этим капиталом процентами, была внедрена в ближневосточный быт почти насильно. Она стала результатом массового перемещения в восточные города и поселки греков и македонцев, создававших там привычное для них эллинистическое общество. Очень важно принять во внимание, что не только в городской жизни с ее развитыми торгово-денежными отношениями, рынком, хорошо налаженным производством множества различных товаров и необходимых услуг, но и во всем стиле руководства эллинистических государств античные традиции безусловно преобладали.

Рим продолжил эту традицию и многого достиг. Эпоха эллинизма, а затем и сменившая ее на несколько веков романизация завершились, однако, печально для античности. Трагическое стечение обстоятельств привело к крушению античного мира как на Ближнем Востоке, так и в Западной Римской империи. Однако на этом, как известно, передовая и перспективная во многих отношениях античная структура отнюдь не завершила свою успешную конкуренцию с традиционной восточной. Все началось заново в ранне-средневековой Западной Европе.

Античные традиции и восточные варвары

Сначала, в V в., под ударами восточных полукочевых народов ("Великое переселение народов") пала пришедшая в состояние острого кризиса Западная Римская империя, а затем, в начале VII в., исламское завоевание покончило с античной структурой Ближнего Востока (кроме разве что Византии, то есть Восточной Римской империи). Однако, несмотря на крушение Рима, в Европе на развалинах Западной Римской империи сосуществование двух структур продолжилось, хотя и приняло совсем иную форму.

Дело в том, что вся Западная Европа, завоеванная прибывшими с Востока варварскими, в основном полукочевыми этническими общностями и племенами, издревле была заселена колониями римских воинов-ветеранов, нередко соединенными неплохими дорогами с Римом. Потеснив потомков этих ветеранов и осев на пустующих землях неподалеку от них, варварские общности в V–VII вв. стали трансформироваться и подвергаться энергичной аккумулярации, усваивая как античные традиции, так и христианские духовно-нравственные ценности. Процесс аккумулярации шел не слишком быстро, но вполне успешно. Главное же было в том, что на сей раз сосуществование структур оказалось принципиально иным. В первом случае высокоразвитая и унаследовавшая многотысячелетние традиции держава персов столкнулась с более молодой, хотя и во многом принципиально опережавшей ее античностью. Теперь серьезно окрепшая и повзрослевшая античная империя, пусть развалившаяся под ударами внутреннего кризиса и воинственных кочевников, имела дело с отсталыми этническими общностями и не знакомыми с государственностью и урбанистической цивилизацией племенными протогосударственными образованиями.

Пришедшие с востока кочевые и полукочевые этнические общности и племена не были знакомы ни с частной собственностью, ни с аппаратом администрации. Правда, они понимали, что такое "власть-собственность" и тесно связанный с ней принцип ре-

дистрибуции. То и другое возникло до появления государства и было основой, опираясь на которую осуществлялось руководство и регулирование общественных отношений в догосударственных общинных коллективах. Напомню: на ранней стадии существования "власть-собственность" и примитивная редистрибуция сводились к праву патриарха семейно-клановой группы и тем более старейшины общины не только руководить группой либо общиной, но и считаться собственником всего произведенного продукта и иметь право перераспределять его по своему усмотрению. Собственно, именно с этого берет начало принцип "власти-собственности". Власть – основа, собственность же, еще не сформировавшаяся и не осознаваемая, считалась естественной функцией власти. Редистрибуция продукта, да и всего имущества коллектива, тоже была функцией власти. Из этого следовало, что племенная верхушка во главе с вождем, будучи естественными носителями высшей власти, являлась собственником всего достояния племени, трансформировавшегося в оседлое государственное образование.

Сказанное означает, что ситуация в раннесредневековой Европе сильно отличалась от ближневосточного эллинизма. Там господствовали античного типа города с их протобуржуазией, умением использовать вложенный в дело капитал, а провинциальная сельская хора, опиравшаяся на восточные традиции, была аграрным придатком. В раннесредневековой Западной Европе, напротив, появились аграрные ранние государства, структурно близкие к хоре, но являвшиеся в отличие от нее господствующими, то есть имеющими власть. Это следует считать первым принципиальным отличием структуры "власти-собственности" государств европейского средневековья от того, что было свойственно аналогичной структуре в ближневосточной эллинистической древности.

Принципиальным отличием раннесредневековой Европы от эллинизма оказалось и полное отсутствие (во всяком случае, на первых порах) рыночно-частнособственнической структуры с ее активным использованием капитала, приносящего проценты. Античные традиции здесь как бы на некоторое время замерли и не были востребованы. Зато на передний план вышла редко встречающаяся в истории ситуация, когда варварские государства в силу сложившихся обстоятельств формировались довольно быстрыми темпами, а возникновение необходимого аппарата администрации и всей инфраструктуры за ними просто не поспевало. Эта ситуация вела к вынужденному выходу на передний план децентрализованной редистрибуции, то есть феодальной социополитической системы.

Проясню разницу. Ближневосточный регион с его древними и медленно формировавшимися государствами располагал достаточным временем для сложения хорошо продуманной системы централизованной администрации. Эта администрация, возникшая еще до появления института частной собственности, обычно делилась на высший, средний и нижний уровни и, соответственно, имела дело с государственными, региональными и местными проблемами, особенно во всем, что касалось перераспределения совокупного имущества и заново произведенного продукта всего населения. Принцип перераспределения этого имущества и продукта, в конечном счете, формировался центром, и именно поэтому получил наименование централизованной редистрибуции. Однако в отдельных случаях, как то было на рубеже II–I тыс. до н.э. в древнем Китае, государство складывалось в условиях, когда в завоеванной чжоусцами большой долине Хуанхэ еще не существовало развитой инфраструктуры, а само племя чжоусцев было не в состоянии быстро создать развитую систему администрации. В этом случае (опять-таки в условиях отсутствия частной собственности) на передний план вышла единственно возможная в сложившейся ситуации альтернативная система децентрализованной редистрибуции, принявшая в Китае отчетливый облик столь знакомого на примере средневековой Западной Европы феодализма.

Суть древнекитайского феодализма, в некоторых отношениях до мелочей сходного с европейским, сводилась к тому, что правитель-ван наделил владениями свыше 70 своих родственников, приближенных и союзников. Все они за век-другой освоились на

новых территориях и сумели стать во главе местного населения. Но в непрерывных междоусобицах основная часть властителей лишилась своих владений, так что к VIII–VII вв. до н.э. крупных правителей из числа титулованной знати осталось примерно около десятка–полтора. Зато в каждом из этих владений, часть которых по размеру превосходила домен вана, появились аристократы-цины, наследственно владевшие пожалованной им "вотчиной". Они обычно были близкими родственниками или приближенными титулованных правителей царств и в качестве вассалов становились, как правило, министрами либо военачальниками. Таких цинов в царствах бывало три–шесть, редко несколько больше. Ниже вана (сына Неба), правителей царств и наследственных владетельных цинов находились аристократы-дафу, не имевшие собственных владений, но зато воевавшие на боевых колесницах и по статусу близкие к средневековым европейским рыцарям.

Словом, на примере чжоуского Китая отчетливо видно, как вынужденная обстоятельствами децентрализованная редистрибуция приобретала облик феодальной социополитической системы. И народы, прибывшие с востока с Западную Европу, вполне могли знать, как это выглядит, ибо по крайней мере, некоторые (гунны, то есть сюнну) контактировали с чжоуским Китаем. Но в любом случае в условиях, когда системы администрации нет и в помине, инфраструктура отсутствует либо очень слабо развита, а расселившимися племенами нужно было как-то управлять, реальным выходом из ситуации в обществах, уже давно знакомых с институтом "власти-собственности", было появление в них с возникновением ранних государств альтернативы централизованной редистрибуции. Формировалась редистрибуция децентрализованная, что означало становление феодальной по типу системы владений со всеми ее привычными атрибутами.

Но из этого (хотя и не только из этого) вытекает, что феодализм как институт – отнюдь не некая "формация", будто бы пришедшая на смену "рабовладельческой", а иная модификация привычной структуры "власти-собственности". А это значит, что феодализм как система порожден именно ею, но никак не античностью. Однако в случае со средневековой Европой одной только этой констатацией дело отнюдь не ограничивается. Все было намного сложнее, ибо на определенном этапе развития западноевропейских государств в них стали появляться функционально сходные с античными европейские предбуржуа, жители городов Западной Европы. А города напоминали ближневосточные эллинские.

Феодалы и горожане (предбуржуа)

Итак, Западная Европа в раннем Средневековье с его варварскими королевствами структурно была сходна с раннечжоуским Китаем. Бенефиции и тем более феодалы государства франков VII–VIII вв. были примерно тем же, что и владения нескольких десятков вассалов сына Неба на рубеже II–I тыс. до н.э. Иерархическая лестница во Франции несколько более позднего времени (в различных государствах европейского Средневековья она выглядела неодинаково) очень напоминает чжоускую во второй трети I тыс. до н.э. Практически это значит, что феодальная знать разного ранга с различными степенями властных полномочий существовала в качестве вассально-иерархической пирамиды рядом с формально числившимся всеобщим сюзереном-королем, у которого в качестве реального владения был лишь (как обстояло дело с потомками Гуго Капета в X–XII вв.) свой сравнительно небольшой домен.

Сложность ситуации заключалась в том, что восточная по типу структура "власти-собственности" явственно видна в тех случаях, когда она представлена хорошо разработанным аппаратом государственной администрации со свойственной ему централизованной редистрибуцией, доходящей до общинных деревень (как то было характерно для всей истории Востока). Это примерно то, что К. Маркс, не слишком стараясь в деталях расшифровать этот термин и обращая внимание не столько на структуру в целом, сколько на социально-экономическую ее сторону, именовал "азиатским" спосо-

бом производства. В условиях же варварских королевств раннесредневековой Западной Европы с отсутствием централизованной бюрократической администрации та же структура выглядела иначе, ибо альтернативная децентрализованная редистрибуция придавала ей типичный облик феодальной раздробленности с междоусобицами и слабостью власти верховного правителя.

Феодалы в этой структуре оказывались не чиновниками и тем более не подданными правителя, вольного их казнить либо миловать (вспомним Ивана Грозного!), но могущественными наследственными властителями своих феодалов. Они обрели облик не причастных к власти администраторов, что было чаще всего свойственно Востоку с его институтами "власти-собственности" и централизованной редистрибуции, но именно более или менее политически самостоятельных вассалов, подчас вполне готовых воевать с самим правителем-сюзереном. И только с течением времени, в результате множества различных по характеру войн и в процессе усиления одних и ослабления других, а особенно вследствие медленного процесса возникновения необходимой инфраструктуры и складывания бюрократического чиновничества, выполнявшего сложные функции аппарата администрации, феодализм данного типа уходил в прошлое. На смену феодальной децентрализованной редистрибуции приходила другая, централизованная, свойственная тем государствам, которые у нас любят именовать "абсолютистскими" и которые на самом деле были очень разными по типу. Лишь в одном отношении можно отметить несомненное сходство: все они являли собой авторитарные по характеру власти их правителей государства, иногда и империи. Так было и в древнем Китае в III в. до н.э., когда возникла первая империя Цинь; таким же путем шла вперед и раннесредневековая Западная Европа.

Ну а как обстояло дело в эти долгие века раннего Средневековья с теми, кто оказывались в положении наследников античных протобуржуа, привыкших к развитым рыночно-частнособственническим отношениям и вообще к такой структуре, которая защищает права и интересы гражданина и его собственности? Вначале их, как упоминалось, практически не было; во всяком случае, в ранних варварских королевствах им явно не было места. Старые римские поселения крупного размера и городского типа исчезли и в лучшем случае сохранялись как центры возникавшей административной структуры (графств), резиденции епископов. Но по мере аккумуляции и ассимиляции варваров за счет влияния возрождавшихся античных традиций, воспоминания о которых сохранялись в римских поселениях и потому играли определенную роль в организации необходимого для любого государства торгово-промышленного производства, ситуация понемногу менялась.

В северной части Италии – Ломбардии, да и в некоторых других местах городские агломерации начали возникать примерно с VIII–IX вв., а с X в. произошел уже своего рода качественный скачок. Вся Западная Европа примерно к XII в. и тем более в XIII–XIV вв. была уже обильно застроена многочисленными городами, где производились в большом ассортименте различного рода ремесленные изделия и велась торговля, в том числе морская и транзитная. Быстро росли столичные города, начиная с Парижа, а также древние торгово-промышленные центры типа Кёльна, портовые города Ломбардии, Фландрии, Германии. Часть городов, как в Германии, объединялась в союзы городов типа Ганзы, что заметно укрепляло их позиции. В городах жили и работали горожане, то есть буржуа, а если выражаться точнее и иметь в виду современный смысл термина – предбуржуа.

Предбуржуа средневековой Европы сперва не очень сильно отличались от протобуржуа античного мира. Но различие постепенно возрастало. Оно определялось тем, какая из двух структур была в условиях вынужденного сосуществования главной и господствующей, а какая – вторичной и подчиненной. В длительный период эллинизма и последовавшей за ним романизации приоритет античной рыночно-частнособственнической структуры был бесспорен, тогда как обширной, но примитивной сельской хоре был присущ невысокий статус аграрного придатка. Однако именно в хоре устойчиво сохранялась традиционная восточная структура с характерными для нее

"властью-собственностью" и централизованной редистрибуцией (пусть даже эта редистрибуция функционировала только на полупервобытном уровне семейно-клановых и общинных коллективов).

В средневековой Европе при аналогичном сосуществовании обеих принципиально отличных друг от друга структур вначале господствующее положение тоже занимала та, которая в чем-то может быть сравнена с хорой. Поэтому в Европе довольно долго почти абсолютно всем владели феодалы, делившие свою власть (да и то лишь в очень определенном аспекте) разве что с церковью. Естественно, при таком раскладе сил европейские предбуржуа в городах вначале имели не слишком высокий статус и мало чем отличались от жителей ближневосточной хоры. Стоит, в частности, заметить, что античные протобуржуа по своим возможностям и гарантиям, правам и привилегиям были несравненно более свободными, защищенными и имевшими возможность вести дела, чем их европейские собратья в раннем Средневековье. К тому же, что очень существенно, рядом с античными предшественниками европейской предбуржуазии не было властных и высокомерных феодалов, которые, разумеется, не привыкли считать городских простолюдинов за равных им людей и, более того, стремились "содрать" с торговцев лишние пошлины за проезд через свои земли. Однако именно это противостояние феодалов и предбуржуа западноевропейских городов сыграло в конечном счете решающую роль в том, чего горожане в Западной Европе сумели добиться в борьбе за права и свободы, бывшие главной сутью хорошо знакомой им античной традиции, ростки которой с течением времени все более укреплялись.

Формы взаимоотношений человека и власти

Почему же города и горожане Европы сумели, пусть в ходе постоянной борьбы, порой вооруженной, с феодалами, укрепить свои позиции? Это – как и параллельную деградацию феодализма – следует считать естественным результатом действия одного из немногих жестких законов, с которыми мы встречаемся в истории, богатой случайностями и неопределенностями. Суть закона элементарна и сводится к тому, какая из основных форм отношений человека и власти наиболее перспективна с точки зрения темпов эволюции. Об этой проблеме – о законе – обычно забывают многие теоретики. А она стоит того, чтобы о ней не только всегда помнили, но и именно ее ставили на первое место.

Начну с того, что еще раз обращу внимание на марксистскую теорию формаций, из тупика которой до сих пор с трудом выходит отечественное обществоведение. Справедливости ради важно заметить, что эту теорию с любовью и старанием разрабатывали марксисты – преимущественно в СССР – уже много позже самого Маркса, который, как есть основания полагать, не ставил своей целью сделать это. В хорошо известном предисловии к "К критике политической экономии" он лишь четко подразделил исторический процесс на периоды существования азиатского, античного, феодального и буржуазного "способов производства", но не дал и, похоже, не собиравался давать развернутую характеристику каждой из упомянутых им "формаций". Вообще Маркс всю свою жизнь посвятил основательной разработке лишь последней из них. Но его последователи создали на основе идеи "формаций" жесткую схему. С чем в этой отвергнутой ныне схеме сегодня можно согласиться? Как ни покажется странным, но главное, что следует воспринять, – в постпервобытном мире были только и именно названные им **четыре формы. Но это никак не формации, а формы взаимоотношений человека и власти.** Более того, они вовсе не следуют одна за другой. Но их именно четыре, причем всем им соответствуют предложенные Марксом наименования. Обратим на них внимание, выделив для начала первые три.

Первая форма (соответствующая "**азиатскому**" способу производства) – *характерна для авторитарной, а то и деспотичной восточной структуры власти-собственности с присущей ей чаще всего централизованной редистрибуцией.* Эта структура, как говорилось, просуществовала в истории человечества (существует кое-где и сей-

час) дольше всего, подчас сохраняясь в почти неизменном виде. **Вторая (античная)** – свойственна античной структуре с ее свободами и правами, с избранной ими и сменяемой, то есть подотчетной населению властью и, едва ли не главное, с уважением к частной собственности, с защитой имущества и интересов людей, в первую очередь граждан, со стороны все той же власти. Эта структура как в своей первоначальной, так и в более поздней модификации на кризисном этапе Западной Римской империи, как известно, функционировала в общем сравнительно недолго, немногим более тысячи лет. **Третья (феодализм)** была вариантом первой, "азиатской" по Марксу. Она могла бы считаться просто *слепком с нее* и не было бы оснований вычленивать феодализм в качестве особой формы взаимоотношений человека и власти, если бы не уже зафиксированное обстоятельство, что данный вариант структуры "власти-собственности" связан с альтернативным принципом **децентрализованной редистрибуции**. Но раз дело обстоит именно так, то стоит разобраться, что же принципиально нового она принесла – если это произошло – в формы взаимоотношений человека и власти.

Факты свидетельствуют, что новым – по сравнению с первой формой – была относительно быстрая деградация феодальной системы вследствие укрепления власти центра и создания необходимых инфраструктуры и аппарата администрации. Эта деградация как в чжоуском Китае, так и в средневековой Западной Европе шла вначале не слишком быстро, ибо первоистокom ее был весьма примитивный уровень варварских государств. Кроме того, очень важно принять во внимание, что феодалы различного ранга и в особенности численно преобладавшие рыцари (в Китае дафу) долгое время были основой боевой силы, которая доминировала не только при феодальных междоусобицах, но и в масштабе государства, а в отдельных случаях, как, например, в Крестовых походах, – и в масштабах всей Западной Европы. Но с изобретением огнестрельного оружия, надобность в рыцарях (как и в дафу на боевых колесницах в чжоуском Китае) стала исчезать. На смену шла пехота, вооруженная ружьями в Европе или арбалетами в Китае. И хотя немалая часть феодалов перешла на службу королям и китайскому императору в качестве офицеров либо элитных гвардейцев, ситуация стала решительно изменяться. Так как очень существенная для государств сфера приложения сил, в рамках которой феодалы издревле были нужны обществу – военное дело, войны, изменила свой облик, их теперь легко можно было заменить опытными и умелыми служивыми из числа обычных воинов.

Но как только общество перестало остро нуждаться в этом социальном слое (где в большей степени, где в меньшей, где раньше и быстрее, где медленней и позже), феодализм как система начал испускать дух, подобно проткнутому иголкой воздушному шару. Он был обречен, ибо более не был нужен. Точно так же оказались лишними и должны были исчезать и феодалы. Правда, этот процесс – дефеодализация – протекал много более сложно и болезненно просто потому, что касался непосредственно большого социального слоя людей, вынужденных искать какое-то новое место в жизни. А найти его было не просто, особенно если иметь в виду воспитанные веками феодальную спесь и острое ощущение своей исключительности.

Оставив в стороне китайскую империю, где дефеодализация была осуществлена быстро и бесповоротно, обратим внимание на Западную Европу. Там этот процесс шел, набирая темпы. Одни феодалы активно продолжали следовать привычному образу жизни, то есть участвовали в междоусобицах типа Войны Алой и Белой розы либо просто в дуэлях. Другие шли в заново создававшиеся королевские армии, составляя в них офицерский корпус, либо в охранные группы типа гвардейцев. Третьи вливались в ряды служилой бюрократии. Четвертые предпочитали заняться бизнесом и в качестве своеобразного "нового дворянства" сближаться с буржуа, учась у них обращать свои скромные сбережения в капитал, приносящий проценты. Пятые переполняли собой корпус церковной иерархии, а то и принимали монашество.

Словом, возможностей найти новое место было немало. Но не всегда этот разумный процесс дефеодализации поощрялся властями. Некоторые представители королевских домов, в том числе и весьма влиятельных, просто не понимали, что ослабле-

ние и деградация феодализма и весь процесс дефеодализации выгодны для страны и открывают перед ней простор для ускоренной эволюции. Кое-кто из королей, как последние французские Людовики из дома Бурбонов, даже стремились перенасытить свои дворы бездельниками из числа высшей знати, получавшими богатые подачки из казны просто за то, что находились в Версале рядом с короной и оттеняли ее блеск.

Разное отношение к проблеме деградирующего и никому не нужного феодализма определяло и различный ход истории в ведущих странах Европы, будь то Англия, Испания, Австрия или Франция. И справедливости ради важно обратить внимание на то, что лишь в Англии с феодализмом было покончено сравнительно легко. Стоит также заметить, что лишь случайные побочные факторы (например, гигантские колонии, дающие возможность заработать испанским грандам и идалго, или огромное количество небольших государств в конфедерации под властью империи австрийских Габсбургов) предохраняли некоторые другие страны от такого взрыва, который выпал на долю Франции в конце XVIII в.

Словом, феодализм был необходим истории лишь иногда, причем в чрезвычайных обстоятельствах. Когда ситуация нормализовывалась, а острая нужда в децентрализованной редиистрибуции и тем более в обособленных феодальных дружинах исчезала, вставал вопрос о его ликвидации как системы и о дефеодализации. Решался он различно в зависимости от обстоятельств. Но сам факт вынужденной и с определенных времен объективно ускорявшейся деградации бесспорен. Феодализм был осужден историей и погиб, будучи повсюду замененным централизованными государствами, порой империями. Но это не обязательно означало, что на смену ему сразу же и везде шли буржуа.

В древнекитайской империи, например, было немало искусных ремесленников, торговцев и богатых горожан, но там, как и во всех иных странах Востока, не существовало европейского типа буржуа по той простой причине, что **буржуа – это не просто род занятий. Буржуа – наследники античной традиции.** А традиция эта была многосторонней и прежде всего касалась того, что наиболее важно для системы взаимоотношений в рамках структуры. В одной из них на первом месте стояли интересы свободного человека, гражданина, населения, то есть в конечном счете общества. В другой – устремления государства, персонифицированные чаще всего в личности, характере и потенциях правителя. Об этом специально еще будет идти речь. Но пока важно заметить, что только на Западе на смену феодализму шли позднесредневековые западноевропейские буржуа, которые прежде всего и главным образом стремились к регенерации столь важных для них традиций античного права и античных свобод, статуса полноправного гражданина с гарантированной частной собственностью – предметом особой заботы со стороны избираемой гражданами власти.

Города и буржуа в позднесредневековой Европе

Подытоживая сказанное, зафиксируем основное: *из трех рассмотренных выше форм отношений человека и власти две – первая и третья – близки друг к другу и по сути почти идентичны.* Обе возникали на ранних этапах развития общества и сводились к различным вариантам одного – **авторитарного** – типа взаимоотношений между человеком и государством: всемогущая власть "сверху", а люди "снизу" – беззащитные подданные, подчиненные чиновникам или феодалам. **Вторая**, античная форма отношений, принципиально иная. Здесь люди, граждане, общество (даже в рамках Римской империи) определяют своей волей соответствующую их интересам организацию власти. В античном мире человек с его интересами – главное, тогда как власть, заботящаяся о соблюдении этих интересов, а также прав и свобод граждан, – вторична. *Это же стало основой и четвертой, буржуазной формы взаимоотношений человека и власти.* И потому вторая и четвертая формы являются демократическими и столь же близки друг к другу, как первая и третья.

Вот так обстоит дело с четырьмя основными формами отношений между людьми и государством. И это, при всем уважении к экономике и темпам эволюции, в формировании которых столь выдающуюся роль сыграла буржуазия, есть все основания считать намного более важным, нежели рассуждения о формациях. А теперь, констатируя разницу, обратимся к более детальной характеристике четвертой, то есть буржуазной, свободной и демократичной формы взаимоотношений.

Как известно, все европейские города, став на ноги, начинали прежде всего **борьбу за самоуправление**. Именно оно было основной базой для достижения тех прав и свобод, а также иной – не авторитарной "азиатской" и феодальной, а демократической – формы взаимоотношений человека и власти, которая была характерна для античности. В этой борьбе горожане, где с помощью денег, где иными средствами, все чаще начинали достигать вполне заметных успехов. "Воздух города делает человека свободным!" – такого типа лозунги все чаще начинали встречаться над воротами в большие и немало добившиеся в результате своей борьбы города позднесредневековой Европы.

В такой нелегкой и не слишком быстро завершавшейся борьбе западные города (именно этим отличавшиеся от всех остальных, включая и русские) одолевали деградирующий феодализм не только потому, что система, утратившая объективную потребность в своем существовании, вынужденно уходила в прошлое, а новой предстояло блестящее будущее. Само по себе – даже во вроде бы предопределенной некоей закономерностью ситуации – ничто не дается. Нужны были усилия, причем немалые. И нужны были союзники. К счастью, союзники у западноевропейских городов были. На раннем этапе их борьбы с упорно опутывавшими город своими таможенными перегородами феодалами такими союзниками стали слабые еще в ту далекую пору короли. Это и неудивительно, ибо владения правителей тоже были окружены феодалами могущественных вассалов, и они оказались заинтересованы в поддержке городов как средства усиления власти центра, создания желанной инфраструктуры и обуздания всемогущих вассалов.

Городам помогала взаимопомощь, тесные взаимные связи, как в случае с северогерманской Ганзой. В ряде иных случаев города были сильны тем, что быстро становились достаточно богатыми, чтобы скупать у феодалов окружающие их пригороды и превращать таким образом городские агломерации в минигосударства, совокупность которых являли собой североитальянская Ломбардия, кантоны Швейцарии или портовые города Нидерландов. Немалую роль играли и те города, где обитали правители или епископы. Здесь тоже феодалам было нелегко разгуляться, хотя все сказанное отнюдь не означает, что они жили только в своих загородных замках и вовсе не селились в тех же городах, становившихся центрами культуры, местом общения, источником новых идей, в том числе составивших суть Ренессанса.

Но основным населением городов, имевших, как правило, постоянную тенденцию к разрастанию, были все же буржуа, то есть горожане, по своему статусу близкие к античным гражданам. Их, буржуа, деятельность была особенно заметной в сфере производства и торговли, а их доходы зависели от возможностей развития рыночно-частно-собственнических отношений. На страже благополучия в области этих отношений обычно стояло выборное и переизбиравшееся городское самоуправление – при всем том, что высшей властью в городе мог обладать местный либо даже приглашенный правитель из числа соседних феодальных властителей. Были в городах и многочисленные представители низших слоев общества, начиная со слуг, подмастерьев, челяди в домах феодалов или епископов и кончая нищими, бездомными, беженцами из числа разорившихся крестьян и т.п.

Горожане старались так или иначе использовать труд этих изгоев, способствовать их трудоустройству, ибо не в их интересах было создавать внутри ограниченного пространства города заметную социальную напряженность. Именно для этого, к слову, вокруг городов часто возникали большие пригороды, где на принадлежавших горожанам участках разбивали сады и огороды, а то и более обширные угодья, на которых

использовался неквалифицированный либо малоквалифицированный труд наемных работников.

Система цехов, а также торговых гильдий, да и профессиональных объединений городских интеллектуалов разного профиля (врачей, аптекарей, нотариусов и т.п.), начавшая формироваться в городах, в частности в Италии, с X в., но обретшая более или менее завершённую форму двумя-тремя веками позже, способствовала специализации и повышению квалификации горожан. Одновременно это вело к упорядочению городского быта. Город с помощью такой системы как бы брал на себя ответственность за качество изготавливаемых продуктов и предоставляемых услуг. Подобного рода повышенное внимание к качеству оттачивало как искусство городских мастеров, так и полезную привычку соответствовать высокому и равному для всех стандарту. Количество цехов менялось в зависимости от размеров города. Обычно оно исчислялось десятками, в отдельных случаях, как, например, в огромном Париже, сотнями. Все цеха, гильдии и иные профессиональные объединения имели чаще всего выборных руководителей и профессиональные знаки, символы, знамена.

Город нередко чеканил свою монету. Он обычно имел и центральный рынок, что не мешало торговле на обычных улицах, в мелких торговых лавках. Временами устраивались – чаще вне самого города – ярмарки, приуроченные обычно к осени, к созреванию сельскохозяйственной продукции. Города располагались или во всяком случае тянулись к побережью моря или к рекам, дабы иметь водную, наиболее простую и легкую связь с миром. Портовые города обзаводились верфями и собственным флотом.

В эпоху переходного периода, то есть в XVI–XVIII столетиях в наиболее передовых странах, в частности в Англии, а затем и во всей Западной Европе (да и не только в ней) возникла расширявшаяся и постоянно развивавшаяся сеть мануфактур, как централизованных, так и рассеянных. Возникали новые важные сферы приложения массового труда, стали внедряться достижения науки и новинки в сфере технико-технологических усовершенствований и изобретений, появились первые фабрики, а затем и изготовлявшие механизмы и машины либо перерабатывавшие руду и плавившие металл заводы.

На протяжении всего длительного периода развития и изменения городов, городского хозяйства, да и самих горожан, будь то ремесленники, торговцы, финансисты, работники и владельцы мануфактур, фабрик, рудников, копей, заводов, судостроители и строители иных сооружений, прежде всего домов, дорог, мостов и т.п., шел процесс формирования определенных социальных групп, которые в общем и целом входили в состав буржуазии, но в рамках этого сословия занимали различные места. Однако главную роль среди многочисленных слоев тружеников всегда играли богатые частные собственники, которые постепенно сосредоточивали в своих руках владение важнейшими промышленными, строительными, торговыми, финансовыми и иными предприятиями. Они же брали на себя нелегкую задачу организовывать всю необходимую работу таким образом, чтобы она приносила максимальную прибыль. Разумеется, при этом имеется в виду и дальняя транзитная либо колониальная торговля, требовавшая больших усилий и всегда сопровождавшаяся большими рисками. Так возникла сменявшая предбуржуазию позднего Средневековья и переходного периода западная буржуазия в полном смысле этого слова.

Буржуазия и феодалы в решительной схватке

Буржуазия нового времени стала столь принципиально отличаться от античных протобуржуа и от предбуржуазии переходного периода не только тем, что оказалась способной, сделав дополнительный акцент на развитие промышленного производства и на научно-технологические новации, включить на полную мощность фактор ускоренной эволюции. Важно, что она энергично вытесняла из высших слоев правящей политической и тем более экономической элиты сохранявших еще кое-какие свои позиции феодалов и занимала их место. Это оттеснение отжившей и давно уже дегради-

рующей социальной страты было, естественно, в интересах всего общества, ибо на последнем этапе своего существования феодалы, как было сказано, утрачивали свои прежние нужные обществу функции (прежде всего военно-рыцарские) и превращались, во всяком случае в Западной Европе, в паразитическое сословие социальных иждивенцев.

Этот процесс шел нелегко. Спротивление феодальной знати принимало разные формы. В одних случаях, как в Англии, это были гражданские войны, в других, как в Нидерландах, – стремление приструнить получившие слишком много вольностей города, в третьих, как в Австрии, – ставка на католицизм и религиозные противоречия. Но всегда это была серьезная борьба. Для буржуазии она иногда облегчалась тем, что отдельные мудрые правители, как английская королева Елизавета, подчас открыто вставали на ее сторону и заботились о создании условий для ее процветания. И это в общем-то сыграло свою роль. Ведь в целом, если на раннем этапе формирования государств в средневековой Западной Европе короли нередко искали в городах, среди буржуа, поддержку в борьбе с всесильными феодальными вассалами, то в период откровенной деградации феодализма как системы взаимоотношений человека и власти они оказались на одной стороне с этим сословием. Тут нет ничего неожиданного. Скорее неожиданна позиция властителей, склонных поддержать буржуазию против феодалов.

Вспомним: первая и третья авторитарные формы взаимоотношений человека и власти – по сути близнецы. Они являют собой варианты структуры "власти-собственности", в которой первична власть, а вторична всякая осознаваемая либо даже еще не осознанная подданными правителя собственность, будь то безлико-коллективная или частная. На протяжении долгих столетий западноевропейское население ощущало на себе, что привилегия быть подданным государя практически мало чем отличалась от зависимости от королевского вассала. Со временем, когда феодальная знать заметно деградировала, а королевская власть, обретя необходимую инфраструктуру и широко разветвленную бюрократическую администрацию, стала ощущаться подданными так же, как зависимость от феодала, оба варианта системы практически слились воедино. Былые различия (централизованная или децентрализованная редистрибуция), прежде игравшие весьма важную роль и определявшие не только факт разделения власти между сюзереном и его вассалами, но и принадлежность каждого из подданных верховному правителю либо одному из региональных, ушли в прошлое.

Но это означает, что условия, определившие в свое время возникновение всесильных и претендовавших на самостоятельность и независимость феодалов, более не существовали, как исчезло и классическое (правда, не везде существовавшее с одинаковой четкостью) правило "вассал моего вассала – не мой вассал", которое отделяло подданных короля от подданных его вассалов. Сказанное легко объясняет, почему в новых условиях ускорявшегося процесса деградации феодализма (вспомним пародию на рыцаря в "Дон Кихоте") и дефеодализации авторитаризм власти феодалов, присущий децентрализованной редистрибуции, оказался приемлемым для заметно укрепившейся и даже обретавшей за этот счет дополнительную силу монархии. Ведь короли, отнюдь не всегда понимавшие роль буржуазии в эволюции общества, но интуитивно сознававшие, что **вместе с буржуазией наступает принципиально иное время, для которого характерна близкая к античной свободе, но отнюдь не устраивавшая их форма отношений человека и власти**, не спешили "сдавать" свое феодальное окружение и, за весьма редкими исключениями, стойко сопротивлялись натиску буржуазии. Собственно, именно это сопротивление и вызывало замедление процесса дефеодализации в большинстве стран Западной Европы на рубеже XVIII–XIX вв.

Авторитаризм и свобода

Итак, мы подошли к сути проблемы. В истории человечества *из четырех разных форм власти две (первая и третья) будучи вариантами одной и той же авторитар-*

ной сущности, а это любая модификация реального господства управителей над управляемыми – от крайностей восточного деспотизма до умеренных вариантов феодализма и "абсолютизма", включая и латиноамериканский тип "управляемой" демократии – являются собой различные степени **несвободы**. В то же время вторая и четвертая формы власти (античная и буржуазная) – это **свобода**. О том, что свобода лучше, нежели несвобода, хорошо известно. Очень важно, чтобы это было осознано всеми. Это не так легко. Нельзя сказать, чтобы сознание как главное свойство *Ното sapiens*, принципиально отличающее его от всех остальных живых существ, всегда работало адекватно его интересам.

Идеи и интересы, о чем мне уже приходилось писать в данном уважаемом журнале, могут быть близки друг другу, но могут и достаточно радикально расходиться. Все зависит от того, кем и как сформулированы идеи и насколько они в реальности – а не в теории – соответствуют потребностям эволюционирующего общества. Наиболее заметно расхождения такого рода видны при сопоставлении событий рубежа XVIII–XIX вв. и XX столетия. В первом случае, когда в западном мире достиг максимального уровня процесс трансформации отмирающей авторитарной социополитической системы и вышел на авансцену вопрос о немедленной передаче реальной власти буржуазии, олицетворявшей свободу, медленно протекавшая постепенная эволюция оказалась недостаточной. И во Франции, где был искусственно поставлен перед рвущейся вперед буржуазией наиболее мощный заслон, последовал взрыв гигантской силы – великая революция, которой было суждено поставить точку на существовании феодализма в континентальной Западной Европе. Наполеоновские войны, разнесшие достижения революции по субконтиненту, принесли буржуазную свободу, вскормленную античной традицией, народам, готовым ее воспринять.

Второй случай, связанный с серией так называемых "социалистических" революций XX в., оказался не только резко противоположным по результатам, но и трагичным – чтобы не сказать жестче – для судеб государств, которых эти "революции" коснулись. Стоит напомнить, что в моем представлении само понятие "революция" справедливо лишь по отношению к тем крайне радикальным переворотам и переустройствам, которые завершились успехом, но не зашли в тупик. Если руководствоваться именно таким пониманием проблемы, окажется, что марксистские идеи, лежавшие в основе массовых социальных протестных движений XX в., претендовавших на революционное переустройство мира с последующим благоденствием человечества, не просто завершились позорным крушением, но и привели к величайшей в истории трагедии.

И хотя в наши дни народы и государства, пострадавшие от трагичного несоответствия идей и реальных результатов, связанных с попытками их воплощения, понемногу выходят из тупика несостоятельных конструкций, реализованных в такого рода радикальных переворотах, этот тяжелый урок истории далеко еще не осознан теми, кого он уже коснулся и кого может затронуть в будущем. Не все еще понимают, что свобода не просто лучше несвободы, но что именно она и тесно связанные с ней восходящие к античности системы демократических процедур и строгое соблюдение правовых норм являются единственной гарантией реальности такого преобразования общества, которое может принести благо каждому, включая обездоленных. Достаточно взглянуть на современный буржуазно-демократический Запад, чтобы понять, что, несмотря на множество проблем, от которых никто не защищен, именно и только этот путь ведет к свободе и ко всему тому, что свободный мир в состоянии дать людям.

И последнее. Важно обратить внимание на то, что переход любого общества от одной пары форм власти к другой (от несвободы к свободе) идет не слишком быстрыми темпами. В прошлой истории он порой занимал долгие века. В наши дни, когда шаги истории резко ускорились и стали намного шире, этот переход по времени значительно сокращается. Он измеряется лишь десятилетиями. Но и эти десятилетия – тяжелое испытание для тех миллионов, порой сотен миллионов людей, на чью долю выпала жизнь в переходный период. И здесь важно не "дергаться в разные стороны" и не пытаться действовать заведомо негодными, обреченными на неудачу половинчатыми

маневрами, которые в конечном счете чаще всего сводятся к неуклюжему лавированию между вчерашним и завтрашним стандартами бытия. Историческая практика убедительно свидетельствует: никакой середины нет. Либо ты упрямо ориентируешься на вчерашние нормы, либо, жвав зубы, упорно двигаешься к завтрашним. И не следует поддаваться панике. Напротив, должно продолжать идти по единственно верному уже взятому и неизбежному пути. И вести за собой всех, кто к этому пока не готовы.

Хороший пример в этом смысле дает современный Китай. Его народ тысячелетиями не был знаком **ни со свободами, ни с демократией, ни с правами, ни с частной собственностью антично-буржуазного типа.** Короткий срок власти гоминьдана в первой половине XX в. был в этом смысле хотя и поучительным, но для огромной страны недостаточным. И ныне КПК, сохраняя привычную норму власти, осторожно ведет страну к новому стандарту бытия. Придет время – пусть не очень скоро – и новые поколения китайцев осознают все эти только что перечисленные понятия и соответствующие им реальные сущности. И речь идет далеко не только о китайцах, но и в принципе абсолютно обо всех.

У всех народов есть свои особенности, но пока что ни одному из них они не помешали принять нормы, связанные со свободой. Нужны терпение и целеустремленность. Их демонстрирует не только Китай. Взгляните на Японию, раньше других оценившую этот путь и добившуюся, пусть не сразу, потрясающих успехов, на Индию с ее непередаваемой спецификой бытия, на потрясающе далекую Бразилию с ее тяжелой колониальной историей и преобладающим метисным населением, на специфический с европейской точки зрения мусульманский Египет, не говоря уже о Турции. Короче, могут достичь позитивного результата все, кто поймут, что будущее в их руках. Разумеется, у каждого своя специфика и свой путь, они не одинаковы и зависят от многих обстоятельств. Но конечный результат достижим всеми.